

Барбара Картленд

Нежность лунного света

текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874315
Барбара Картленд. Нежность лунного света: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53692-4

Аннотация

Афина Уэйд, невеста принца Парнасского, ни разу в жизни не видела будущего супруга. Терзаясь сомнениями, она отправляется в Грецию на собственную свадьбу, но по дороге встречает храброго юношу Ориона, который спасает ее от гибели.

Отныне ни долг, ни чужие запреты не заставят Афину покориться судьбе! Она решает бежать с Орионом и стать его женой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Барбара Картленд

Нежность лунного света

Глава 1

1852 год

Афина вышла на балкон спальни и остановилась, очарованная восхитительным пейзажем, который открылся перед ней. Природа Греции казалась божественно прекрасной, но ничто не могло быть красивее, чем лазурная гладь Коринфского залива.

Лучи заходящего солнца золотили берег. Вдали он был пурпурным, а затем – там, где море сливалось с небом, туманно-серым.

Позади дворца солнце отбрасывало фантастические тени на горы, на фоне которых летний дворец принца на Парнасе светился, подобно жемчужине.

Все казалось девушке окутанным завесой тайны. Впрочем, еще в Англии она не сомневалась, что Греция окажется прекраснее, чем представлялась ей в самых смелых мечтах.

Всю свою жизнь она грезила о том дне, когда ступит на землю Древней Эллады.

Ее бабушка, вдовствующая маркиза, еще в детстве рассказывала ей легенды о греческих богах и богинях, о козлоногом Пане, который резвится в тени оливковых рощ, о Зевсе, величественно восседающем на Олимпе.

В то время, когда другие дети читали сказки о Золушке, о Гансе и Гретель, Афина восхищалась мифами о богине, имя которой носила.

Однако в Англии никто не называл ее Афиной. Для родных она была Мэри Эммелин, для остальных – леди Мэри Эммелин Афина Уэйд, дочь четвертого маркиза Уэйдбриджского, а стало быть, весьма заметная в высшем свете особа.

Солнце опустилось еще ниже. Теперь все море засверкало мерцающими золотыми искрами. Под прозрачным небом это сверкание казалось почти ослепительным.

Девушке вспомнились слова бабушки: «Греки никогда не устают описывать обожаемый ими свет, будь то блеск влажных камней или песка, омываемого морем, или рыбы, переливающиеся живым серебром, когда их вынимают из сетей. Да и их храмы возносятся к небу подобно столпам ослепительного света».

«И я чувствую то же самое», – подумала Афина, вспомнив сегодняшнее раннее утро, когда, любуясь «розовоперстым рассветом», она представляла себе прекрасного Аполлона, который скользил по небу в своей колеснице, рассылая вокруг потоки света, изгоняя силы тьмы.

Аполлона она привыкла воспринимать как реальное существо. Бабушка говорила ей, что он – это не только солнечный свет, но и луна, и планеты, и Млечный Путь, и предрасветные звезды.

– Он искорка на морских волнах, – часто говорила внучке вдовствующая маркиза, – сияние человеческих глаз, огоньки, видимые далеко в полях даже в самые темные ночи.

Афине вспомнились строчки Гомера: «небо расчисти и дай нам увидеть его своими глазами». Она перечитала все стихи поэтов Древней Греции, которые смогла найти и которые славили свет. Нередко машинально Афина произносила про себя строки из оды Пиндара:

«Все мы тени, но когда Боги даруют свет, этот божественный свет падает на людей».

«Упадет ли когда-нибудь божественный свет на меня? – думала девушка. – А если упадет, что я тогда почувствую?»

Заходящее солнце уносило с собой молитву, которая рвалась из ее сердца. Но Афина знала, что внизу ждали, когда она спустится к ужину.

Она закрыла балкон и вышла на площадку лестницы.

Ее взгляду предстал изящный изгиб перил, мозаика, украшавшая белые стены, и снова золотистый свет омыл девушку своим потоком, струясь сквозь высокие окна, из которых можно было видеть прекрасные цветы в саду.

На мгновение она замерла на месте, восхищенная красотой внутреннего убранства дворца, и тут услышала мужские голоса. Говорили по-гречески:

– Так вы хотите сказать, что у вас нет никаких известий о его высочестве?

Афина узнала низкий, властный и грубоватый голос гофмейстера принца, полковника Стефанатиса.

– Да, сударь, – ответил чей-то юный голос. – Я побывал повсюду, где вы мне велели, но нигде не обнаружил следов его высочества.

Короткую паузу вновь нарушил полковник Стефанатис.

– Вы заглядывали на виллу мадам Елены?

– Да, ваше превосходительство. Она уехала неделю назад, и слуги не имеют ни малейшего представления куда.

Снова наступило молчание, полное – как показалось Афине – некоего скрытого значения. Затем, как будто говоря с самим собой, Стефанатис произнес:

– Это невероятно, просто невероятно! – А потом резко добавил: – Отправляйтесь отдыхать, капитан! Завтра утром продолжите поиски!

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Девушка услышала, как юный капитан лихо щелкнул каблуками и удалился. Его шаги по мраморному полу звонко раздавались в тишине. Сделав над собой усилие, она стала медленно спускаться, стараясь, чтобы ее беззаботный вид не возбудил подозрений у придворных.

Если полковник Стефанатис считал, что произошло нечто невероятное, то Афина тем более была совершенно ошеломлена. Она прибыла в Грецию из Англии, потому что бабушка уговорила ее выйти замуж за принца Йоргоса Парнасского.

Два последних года вдовствующая маркиза неустанно вела переговоры об этом браке. Хотя Ксения Парнасская приходилась лишь дальней родственницей принцу, семейные связи и кровь предков, которая кипела в ее жилах, не давали ей покоя.

Ее необыкновенная красота покорила английское высшее общество, когда третий маркиз Уэйдбриджский вернулся из Греции и привез не только роскошную коллекцию античных ваз и скульптур, но и жену.

Греки были чрезвычайно расточительны в отношении своих сокровищ, как поняла девушка, посетив Афины, и не особенно интересовались тем, что именовали «руинами».

Начиная с тех времен, когда лорд Элджин совершил акт «вандализма», как назвал это Джордж Байрон, – перевез на Британские острова мраморные колонны и изваяния акрополя, десятки английских аристократов, увлекавшихся античным искусством, устремились на землю Древней Эллады в поисках реликвий далекого прошлого.

Равнодушен тот глаз, который не затуманит

слеза

При виде того, как стены ветшают твои

и разрушаются храмы!

Гневно восклицал прославленный британский поэт, но голос его в Англии не был услышан.

Вскоре все загородные дома Англии и музеи по всей Европе были переполнены похищенными и вывезенными из Греции шедеврами античного искусства.

Став маркизой Уэйдбриджской, Ксения Парнасская больше ни разу не бывала у себя на родине.

У них с супругом родились шестеро очаровательных детей, которые, однако, не отличались классической красотой.

Только увидев свою внучку, маркиза поняла, что это дитя – воплощение всех ее грез. Младенец отличался божественной красотой, а для Ксении знаменитая греческая богиня значила куда больше, чем все православные святые.

– Я настаиваю, чтобы девочку назвали Афиной, – решительно заявила она.

Семья запротестовала: Уэйды не отличались особой фантазией и считали, что первое имя по традиции должно быть Мэри, а второе – Эммелин в честь знаменитой родственницы, чьи портреты украшали стены родового замка Уэйдбридж.

Однако маркиза настояла, чтобы внучку крестили как Мэри Эммелин Афины. Правда, третье имя в семейном кругу никто не употреблял, кроме вдовствующей маркизы и самой Афины.

– Конечно, я хочу, бабушка, чтобы ты называла меня Афиной, – заявила девочка, когда ей исполнилось девять. – Это чудесное имя. Мэри звучит совсем некрасиво, а Эммелин – и вовсе ужасно.

Она забавно сморщила носик, который с младенчества был безупречно прямым, как у статуй, которые вдовствующая маркиза показывала внучке, когда они с ней бывали в Британском музее.

С тех самых пор богиня Афина стала для девочки почти членом семьи. Вдовствующая маркиза рассказывала ей об Афине-Воительнице, грозно потрясавшей копьем, об Афине – богине домашнего очага, руководившей юными пряжами, об Афине – богине всего справедливого и доброго, каждый поступок которой был проникнут материнской заботой.

Главной ипостасью великой богини была Афина-Дева, всемогущая, исполненная решимости защищать чистоту города, которому покровительствовала. И еще, по рассказам старой маркизы, Афина была богиней любви.

– Именно ей возносили свои молитвы женщины, когда желали иметь детей. И у них рождались замечательные дети, красивые и телом, и душой.

Все остальные родственники считали вдовствующую маркизу нудной и скучной старухой из-за ее любви к Греции и способности бесконечно рассказывать об античных божествах.

Но для Афины не было ничего увлекательнее и убедительнее, чем бабушкины рассказы. Когда девушке исполнилось восемнадцать лет, Ксения Парнасская сообщила ей, что договорилась о бракосочетании Афины с принцем Парнасским и поэтому ей предстоит отправиться в Грецию.

Очевидно, вдовствующая маркиза вынашивала этот замысел уже давно, не уставая расхваливать достоинства молодого человека, которого девушка никогда не видела.

– Он красивый и сильный, его подданные преданны ему, потому что он хороший правитель, – утверждала бабушка, и Афина была готова поверить всему, что она говорила, потому что принц был греком, а девушка с детства привыкла, что все, имеющее отношение к Греции, – прекрасно. Но вот она прибыла во дворец принца, а его там не оказалось. Афина полагала, что виной тому была ее тетка. Принц прислал любезное письмо ее тете, леди Беатрис Уэйд, в котором сообщал, что, к его великому сожалению, не сможет встретить их в Афи-

нах, но будет рад принять их в своем летнем дворце, как только они пожелают посетить его. Первоначально предполагалось, что они проведут в Афинах недели три. Там им предстояло встретиться со многими родственниками, да и король Оттон приглашал невесту принца, желая представить ее своим придворным.

После обретения независимости в 1844 году Греция стала королевством и король Оттон, несмотря на свое баварское происхождение, интересовался народом, которым правил, хотя и не пользовался у этого народа популярностью.

Но даже король Оттон, подумала Афина, не смог помешать загадочному исчезновению принца.

– Не могу понять этого, Мэри! – резко произнесла леди Беатрис, когда они с Афиной остались наедине. – Твой отец наверняка счел бы оскорбительным, что принц не соизволил приветствовать тебя по приезде.

– Очевидно, он полагал, что мы проведем в столице еще какое-то время, – ответила девушка.

– Я отправила сюда посыльного с письмом, – возразила леди Беатрис. – Честно говоря, я не очень-то верю, что принц отправился в столь отдаленный район своей страны, что с ним никак нельзя связаться.

– Но где же он может быть? – удивлялась Афина. Если она и не считала себя оскорбленной, то, несомненно, была весьма обескуражена столь малодостойным приемом.

В Афинах она узнала, что принц носит бороду. В ответ на ее удивление ей рассказали, что он служил в военно-морском флоте Греции и что, подобно большинству своих соотечественников, чувствует себя увереннее в море, чем на суше.

Скорее всего он уплыл на противоположный берег, сказала себе Афина, а может, даже переплыл проливы, соединявшие залив с Ионическим морем, высадился на какой-нибудь островок и просто забыл, что во дворце ожидают его возвращения.

Прошло уже три дня после прибытия их с тетей Беатрис во дворец. Никаких намеков на возвращение принца не было, и разговор, который девушка невольно подслушала на лестничной площадке, немного разъяснил ей суть происходящего.

Кто же такая эта мадам Елена?

Афина почти не имела понятия об интригах и распущенных нравах высшего света. Однако из прочитанных мифов Древней Греции она знала, какое место занимала любовь в жизни богов и о том, что они постоянно влюблялись в красивых женщин.

Впервые после отъезда из Англии Афина задумалась, станет ли счастливым предстоящий ей брак. Рассказы бабушки пробудили в ней безотчетное стремление к романтической любви, но до сих пор она не представляла принца живым мужчиной. Для нее он оставался такой же мифической личностью, как сами древние боги.

Теперь девушка словно очнулась от сна. Как же мог принц, ни разу не видя ее, заинтересоваться будущей невестой?

Ее английское происхождение вряд ли могло заинтриговать его. Напротив, сама мысль о том, что ему суждено жениться на иностранке, могла быть ему неприятна.

До сих пор ей все казалось похожим на сказку: отъезд из Англии, прибытие в Афины, первые впечатления от королевского дворца, изысканная красота местной природы. Здешние горы произвели на нее особенно яркое впечатление. Она знала, что это лишь часть горной цепи, которая протянулась к северо-западу от границ Аттики, вздымалась ввысь между Беотийской равниной и малонаселенными северными берегами Коринфского залива. Именно здесь разворачивались события, о которых повествовали многие древнегреческие мифы.

На востоке поднимались гора Киферон, где некогда беспечно резвились Пан и его козлоногие сатиры, и гора Геликон, где, согласно легендам, когда-то обитали сам Аполлон и девять муз.

Дальше на север, в самом центре страны, тянулся горный массив со священной горой Олимп, где жили верховные боги древних греков.

Однако все это совершенно не интересовало тетку Афины.

– Я уже тебе говорила, Мэри, что на Парнасе расположен летний дворец принца. Главный королевский дворец близ Ливадии, наверное, произведет на тебя большее впечатление. Впрочем, к сожалению, он нуждается в срочном ремонте, – не без презрения произнесла леди Беатрис.

Ее племянница вспомнила – бабушка отнюдь не обманывала внучку на этот счет, – что принцу Парнасскому были очень нужны деньги. Турецкое иго, неустанная борьба за свободу разорили некогда богатую и гордую королевскую семью. Было вполне естественно, что принцу требовалась богатая невеста, и тут вдовствующая маркиза разыграла свою козырную карту.

– В дни моей юности, – говорила она Афине, – считалось, что никто из членов моей семьи не мог сочетаться браком с человеком, не принадлежащим к королевскому роду. Однако времена изменились, а Уэйдбриджи – одно из старейших и влиятельных семейств Англии. К тому же тебе необычайно повезло: крестная оставила тебе в наследство свое состояние. – При этом маркиза лукаво улыбнулась. – За это ты должна благодарить меня, моя дорогая, потому что твои родители упорно возражали против того, чтобы твоей крестной была американка.

Афина рассмеялась.

– Так это ты выбрала мне добрую фею-крестную?

– Она и на самом деле такой оказалась. Но кто мог представить себе, что, не имея своих детей, она сделает наследницей именно тебя?

Большие деньги – это огромная ответственность, я тебе всегда это говорила, – продолжала Ксения Парнасская. – Вот поэтому, Афина, я считаю, что лучшее применение твоему состоянию найдется именно в Греции.

Афина согласилась с ней, но у нее возникло ощущение, что она выходит замуж за страну, а не за конкретного человека.

Когда девушка спустилась в зал, полковник уже ушел в салон. Прежде чем подойти к нему, Афина попыталась взять себя в руки. Нельзя было дать ему понять, что она стала невольной свидетельницей его разговора с юным капитаном. Ей не хотелось, чтобы гофмейстер узнал о том, что она понимает по-гречески. Бабушка с раннего детства занималась с ней, надеясь, что внучка приятно удивит жениха, если сумеет объясниться с ним на его родном языке. Но сейчас девушке вдруг стало страшно: что еще она может узнать, обладая знанием греческого? Она с трудом заставляла себя во время обеда слушать разговоры тетки с полковником и отвечать на формальные, суховато-вежливые комплименты военных, которые присутствовали на обеде.

Мать принца чувствовала себя неважно и еще до обеда удалилась в свою спальню.

Афина была застенчива, и чувство неловкости не оставляло ее все дни пребывания во дворце, особенно в присутствии матери будущего мужа. Теперь Афина думала, что та не слишком рада перспективе брака ее сына с чужестранкой, как, впрочем, и другие члены королевской семьи, готовые примириться с женитьбой принца на англичанке только потому, что она, Афина, сказочно богата.

Мысль эта была не слишком приятна, и, вспомнив о том, какие оценивающие взгляды бросали на нее и в столице, и здесь, во дворце, девушка подумала, что, возможно, придворные размышляли о том, зачем ей, богатой иностранке, выходить замуж за греческого принца? Вероятно, ее прельщает высокий титул?

«Да как они смеют так думать обо мне?» – с возмущением спрашивала себя Афина. Но вынуждена была признаться самой себе, что для них это единственное объяснение ее согласия выйти замуж за человека, которого она никогда раньше не видела.

Скорое замужество, которое совсем недавно казалось Афине чем-то волшебным, вдруг стало пугать ее.

Да, бабушка в своих рассказах наделяла Грецию такой легендарной красотой и величием, что Афина приняла предложение связать свою судьбу с этой страной и ее властителем как некий дар богов.

Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила, что обед идет к концу, а она совершенно не помнит, о чем говорилось за столом.

– Ты сегодня очень рассеянна, Мэри, – заметила леди Беатрис. – Полковник трижды повторил свой вопрос, прежде чем ты ответила ему.

– Простите, тетя. Я, наверное, сегодня очень устала.

– Это все здешнее солнце! Ты к нему не привыкла. Поскольку я не сомневаюсь, что принц в ближайшее время появится во дворце, мне бы хотелось, чтобы ты выглядела как можно лучше. Пожалуй, самое разумное для тебя сейчас – хорошенько выспаться.

– Конечно, тетя, я так и сделаю.

Леди Беатрис бросила взгляд на дверь и сказала, понизив голос:

– Полковник говорит, что им пока не удалось связаться с принцем, но он уверен, что его высочество завтра непременно будет во дворце. И все же я подумываю о возвращении в Афины. Ожидание затягивается до неприличия.

– Мне думается, нам следовало пробыть в столице три недели, как мы и предполагали, – заметила Афина.

– Пожалуй, ты права, но теперь уже поздно говорить об этом. Мама все спланировала заранее, а я, наверное, поторопилась принять ее предложение. Это было неразумно с моей стороны.

Афина прекрасно знала, что леди Беатрис должна была быть чрезвычайно взволнована и расстроена, чтобы признаться в своей неправоте. Но отсутствие принца удивляло и саму девушку, поэтому она решила не обсуждать больше столь двусмысленную ситуацию.

– Не беспокойтесь, тетя, – сказала она. – Я уверена, что все будет хорошо. И мне здесь очень нравится.

– Но положение просто невыносимое! – настаивала леди Беатрис. – Я всегда считала, что греки отличаются хорошими манерами, но, кажется, вынуждена изменить свое мнение!

– Однако в Афинах нас встретили очень вежливо и почтительно! – возразила Афина.

– Ну, особенно почтительно они высказывались о его высочестве, – заметила ее тетка.

– Вы правы, тетя. – Однако про себя Афина подумала: не скрывалась ли за той любезной манерой, с которой придворные говорили о принце, радость, что его женитьба скоро принесет деньги, столь необходимые Греции?

Девушка знала, что обширные владения принца, протянувшиеся далеко на восток, располагались на скудных, мало пригодных для земледелия землях.

Отправляясь в Грецию, Афина мечтала, как они с принцем будут путешествовать верхом, как она познакомится со своей новой родиной и сможет помочь ее народу: поднять уровень образования, построить новые порты и сделать еще много полезного.

Однако теперь она испытывала сомнение и даже страх.

А что, если принц не пожелает обсуждать с ней эти вопросы? Если незнакомой мадам Елене он доверяет больше?

Афина пожелала леди Беатрис спокойного сна и удалилась в свою комнату, прежде чем полковник и другие придворные перешли из столовой в салон.

Раздевшись, она отпустила горничную и вышла на балкон, чтобы полюбоваться ночным морем. На окружающий мир опускалась ночная тьма, но на горизонте еще догорал, переливаясь медленно тускнеющим золотом и пурпуром, закат. На темном бархате неба появлялись первые звезды.

Было безветренно, и, хотя дневная жара спала, воздух еще хранил дневное тепло.

Девушка перегнулась через перила балкона, ощущая руками холод камня и вглядываясь в темноту.

«Почему я здесь? – спрашивала она себя. – Почему позволила привезти меня в эту чужую страну, которой нужно только мое состояние?»

Мысль об этом привела Афины в ужас. Она всегда очень тонко чувствовала отношение к себе окружающих.

Познай себя, сказал некогда один из Семи Мудрецов, и она старалась всегда следовать этому основному принципу древнегреческой философской мысли.

Оглянувшись в прошлое, Афина поняла, что в детстве обожала сказки, и ей еще не приходилось сталкиваться с реальным миром, она пребывала в мире грез, но теперь пробудилась от детских снов.

Афина поняла, что приняла идею брака с принцем под влиянием бабушки. И вот оказалась в ловушке, из которой пока не видела выхода.

«Но что будет, если я возненавижу принца, а он – меня? Что же мне тогда делать?» – спрашивала себя девушка.

Ей вспомнилось, какие лестные отзывы о принце слышала она от придворных и от самого короля. Афина заподозрила, что все они имели целью уверить ее, как разумно она поступает, решив подарить стране свое богатство.

Впервые с тех пор, как Афина узнала, что она наследница огромного состояния, ей стало страшно.

Раньше она не задумывалась о будущем, хотя знала, что очень богата. Ее отец всегда был весьма состоятельным человеком, и девушка с детства привыкла ни в чем не нуждаться.

Свое богатство она приняла, как принимала подарки, будь то ожерелье или новая скаковая лошадь. Ей было это приятно, но Афина редко вспоминала о своем наследстве, как будто оно существовало в каком-то другом мире. Сейчас же ей стало ясно, насколько важную роль оно играет в предстоящем браке. Брак, в котором не было выбора ни у нее, ни у ее жениха.

Это был брак по расчету – *mariage de convenance*, как называют его французы, – против которого восставало все существо Афины.

Мужчина, чье имя ей предстояло носить, получал на нее какие-то права. Он мог пользоваться деньгами и при этом не интересоваться ею как человеком.

– Я просто сошла с ума! – произнесла Афина, глядя в темноту. – Как я могла согласиться на это, даже толком ничего не обдумав?

Она откинула голову назад и посмотрела на звезды. Они показались ей такими далекими, что Афина почувствовала себя жалкой песчинкой среди безграничного космоса.

– А какое имеет значение то, что случилось с тобой? – Ей показалось, что это произнес чей-то равнодушный и насмешливый голос.

– Имеет значение! – сердито откликнулась девушка. – Я – это я. Я никому не позволю обращаться со мной, как с марионеткой. Я должна убежать отсюда!

Эти слова, словно луч яркого света, прорезали непроницаемую тьму.

Бежать? Но как?! Куда? Что делать дальше?

Она снова посмотрела на море, чувствуя, что ответ надо искать там, в мерном бесконечном движении волн.

Неожиданно ей представилось, что она гречанка, живет в те далекие времена, когда было принято обращаться за советом к оракулу.

Бабушка рассказывала ей, что когда-то Дельфийский оракул направлял тех, кто приходил к нему за советом.

Древние греки верили, что сам Аполлон вещает устами пифий-прорицательниц, обитавших в пещере близ его величественного храма.

– В день пророчества пифия совершала омовение в водах Кастальского ключа на горе Парнас и пила воду из святого источника. Затем она надевала особые одежды, и ее отводили в храм Аполлона. Она проходила под сводами храма и приближалась к святой святых, куда могли входить только жрецы и куда было запрещено приходить простым смертным, – рассказывала внучке вдовствующая маркиза.

– А пифии было страшно?

– Нет, моя милая, ведь этому была посвящена вся ее жизнь. Она занимала место на троне Аполлона, держа в руке лавровую ветвь, или окуривала себя дымом сжигаемых листьев лавра.

– Я слышала, что Аполлон считал лавр священным деревом, – заметила Афина. – Но мне кажется, что его сожженные листья пахли не слишком приятно.

Вдовствующая маркиза оставила без внимания слова внучки и продолжала:

– В храме звучала музыка. Потом пифия впадала в транс и вещала о своих видениях, которые жрец тут же излагал в стихотворной форме.

Ксения Парнасская утверждала, что пророчества пифий часто сбывались.

«Если бы оракулы существовали и по сей день, – неожиданно сказала Афина самой себе, – я отправилась бы в Дельфы и попросила Аполлона помочь мне».

И тут она вспомнила, что летний дворец находится совсем недалеко от Дельф, на узком мысе, вдававшемся в Коринфский залив, вблизи порта Итея.

Афина знала, что именно там высаживаются приплывшие морем паломники, которые направляются в Дельфы. В Итею высадился и лорд Байрон, побывавший в Дельфах примерно три десятилетия назад. Девушка читала, что великий английский поэт и его друг Джон Хобхаус катались в этих водах на греческой десятивесельной лодке.

В узких бухтах залива они разглядывали стоявшие на якоре небольшие торговые суда, что покачивались на залитых лунным светом волнах, и в полночь оказались в Итею.

– Это недалеко отсюда, – прошептала Афина. – Я смогу добраться туда.

Она вернулась в спальню и села на кровать. В ее голове стал понемногу возникать план, складываясь будто из отдельных кусочков мозаики.

Она упомянула Дельфы в разговоре с полковником Стефанатисом, но тот не проявил к этому никакого интереса.

До отъезда из Англии Афине казалось, что все греки, подобно ее бабушке, – одержимые любители старины, которых вдохновляет славное прошлое их родной страны.

Однако во время путешествия на пароходе она узнала из разговоров с греками-пассажирами, что их больше волнует современная политика, чем далекое прошлое. Смущенная этим, Афина решила, что им просто неинтересно разговаривать с чужестранкой об истории своей родины.

Но мечта попасть в Дельфы глубоко запала в ее сердце. Теперь она понимала, что намного проще попасть туда морем, чем проделывать долгий путь по суше, которым проходили бесчисленные паломники прошлого.

Афине вдруг захотелось быть свободной, ни от кого не зависеть. Будто сам дух Древней Эллады вселился в нее и пробудил к новой жизни. Афина ощущала необыкновенный душевный подъем. Ей казалось, что случись ей услышать слова оракула, он непременно посоветовал бы ей отправиться в Дельфы.

У нее был путеводитель, который она купила в Афинах, а в нем – не вполне точная карта Греции. Путеводитель был плохо отпечатан, однако недвусмысленно свидетельствовал о том, что расстояние до Итеи не слишком велико.

В данный момент это представлялось ей самым важным. Афина знала, что, доплыв до Итеи, лорд Байрон поднялся в горы и отправился к Дельфам, раскинувшимся по склонам гор.

– Я тоже отправлюсь туда. Ничто не сможет меня остановить! – повторяла Афина. Чувствуя, что сон не идет к ней, она ходила из угла в угол спальни, обдумывая план действий.

В одном она была уверена: если попросить помощи у придворных, то ей непременно помешают, задержат во дворце под каким-нибудь благовидным предлогом. Например, ничего нельзя предпринять до приезда принца. Его высочество сам отвезет ее в Дельфы и покажет и другие интересные уголки страны!

Но кто знает, намерен ли принц поступить именно так? Афина уже почти не сомневалась, что он не интересуется этими «руинами», как и остальные греки. А она, покидая Англию, надеялась, что он так же горячо любит Древнюю Элладу, как она. Девушка была убеждена, что принц намерен бороться за восстановление былого величия своей родины, которая когда-то была центром мировой цивилизации. Но принц, конечно, не разделяет подобные взгляды. Он, наверное, ничем не отличается от придворных короля Оттона, беспечных сплетников и спорщиков-политиканов.

Никто из них даже не предложил Афине осмотреть акрополь, а когда она предложила это сама, придворные пренебрежительно отклонили ее идею.

Афина была слишком застенчива, чтобы настаивать, и решила, что принц, наверное, захочет сам показать ей акрополь.

Именно там, среди величественных мраморных колонн, они смогут помечтать о былой славе Греции, о тех временах, когда на этом месте возвышалась крепость и священный храм самой Афины.

Девушка представляла себе, как принц станет рассказывать ей о Парфеноне, излучавшем золотистый, голубоватый и алый свет, о покоившихся в нем грандиозных сокровищах эллинского мира.

Они непременно отправятся, думала девушка, к Эрехтейону – самому таинственному и священному месту в акрополе. Здесь некогда находился легендарный негасимый золотой светильник, оливковая ветвь Афины и фонтан, забивший ввысь после того, как Посейдон ударил о землю своим трезубцем.

Афина предвкушала рассказы принца о тех далеких временах, когда Греция была центром всего мира, и предчувствовала свое волнение, которое испытывала всегда, слушая негромкие и торжественные повествования бабушки.

– Все это детские мечты, – с горечью говорила себе девушка. – Как я могла быть такой наивной? Было просто нелепо надеяться, что он станет вести себя подобным образом!

Я вернусь домой, – решила она. – Когда я встречу с принцем, я найду в себе мужество сказать ему, что сделала ошибку. Мы оба ошиблись. Возможно, я отдам ему часть моих денег, но я не могу выйти за него замуж!

Немного помолчав, она добавила:

– Я не хочу выходить за него замуж!

При этой мысли она содрогнулась, представив, как трудно будет заставить принца, не говоря уж о леди Беатрис, поверить, как серьезно ее решение. Им обоим покажется невероятным, что, проделав такой длинный путь, она в последний миг отказывается принести себя в жертву денежным затруднениям принца.

– Даже если сначала он будет мил и любезен со мной, – говорила себе Афина, – вскоре он, возможно, захочет вернуться к мадам Елене.

Эти горестные мысли нахлынули на Афины мощной волной, она захлебывалась в них, не в силах бороться с судьбой, уготованной ей.

И все-таки она тут же сказала себе, что нужно найти силы отказаться делать то, к чему ее принуждают, как бы ни старались все подчинить ее своей воле. Это будет нелегко, Афина это прекрасно понимала.

Ее отец был властным человеком, и она с раннего детства всегда поступала так, как хотел он. Мать умерла, когда ей было десять лет. Хотя Афина неизменно с нежностью вспоминала ее, мать никогда не оказывала на нее столь сильного влияния, как отец. После того как ее не стало, вся любовь девочки обратилась к бабушке, которая так же горячо любила внуку. Они хорошо понимали друг друга.

Но сейчас девушка догадалась, что бабушка больше думала о делах парнасского семейства, чем о ней. Устраивая брак Афины, она заботилась о финансовой поддержке парнасской династии, а не о чувствах внучки.

– Как я могла быть так глупа, что еще в Англии не поняла, что происходит?

Если бы она проявила твердость, отец, который никогда не разделял интереса вдовствующей маркизы к делам ее далекой родины, не дал бы согласия на эту поездку.

Однако было поздно размышлять об упущенных возможностях. Теперь самое главное – постараться выскользнуть из ловушки, в которую она угодила так беззаботно.

А это была действительно ловушка, в которую бабушка заманила ее своими рассказами о былой славе Эллады, которой никогда не достичь двору баварского короля Оттона.

– Ненавижу их всех! Ненавижу! – воскликнула Афина.

Она теперь готова была подозревать всех придворных в том, что они плетут вокруг нее сети интриг, чтобы связать ее с мужчиной, который увлечен другой женщиной.

Афина чувствовала, что не в праве винить принца.

Конечно, в его жизни были женщины, и, наверное, многие из них хотели бы выйти за него замуж, однако не могли сделать этого. Вряд ли женитьба на богатой англичанке мешает ему влюбляться в тех, в кого он пожелает, и делать то, что ему заблагорассудится.

А ей придется жить в золотой клетке, довольствуясь титулом, к которому она несколько не стремилась.

– Что же мне делать? – снова спросила себя девушка и снова не нашла ответа.

Она отправится в Дельфы. Пусть она не услышит совет оракула, но по крайней мере попытается проникнуться святостью места и ощутить близость богов, некогда властвовавших над всей Грецией.

Много веков назад Аполлон силой красоты покорила мир. Он не обладал армией, флотом, могущественным правительством или богатыми природными ресурсами, но сумел пленить людские умы. Афина не сомневалась, что услышит голос бога, что Аполлон осветит путь ее сердцу.

– Я отправлюсь в Дельфы! – повторила она. В этом мире нет ничего невозможного.

В Дельфах она поймет, что ей делать дальше. В Дельфах она почувствует, что больше ей нечего бояться.

Девушка взглянула на свое отражение в зеркале, проходя через спальню, и подумала, что за последний час из юной и неопытной английской мисс она превратилась в женщину. Было непонятно, как это случилось. Афина знала лишь, как знала всегда, что боги Эллады помогут ей и укажут путь.

Глава 2

Парусная лодка обогнула прибрежный мыс, и Афина вздохнула с радостью и облегчением.

Удалось! Она свободна!

Даже в эти минуты девушка не вполне верила, что убежала из дворца, что ее лодку сейчас никто не видит, хотя она очень тщательно продумала план бегства.

Ночью Афина ни на минуту не сомкнула глаз, хотя и прилегла после того, как собрала в сумку, сделанную умелыми руками греческих ремесленников, немногие необходимые вещи.

Она оставила письмо для леди Беатрис, в котором сообщала, что устала ждать принца и решила провести дня два у знакомых, которые живут недалеко. Афина умоляла тетю не беспокоиться и обещала вести себя благоразумно. Она к тому же поклялась, что за ней будут присматривать. Под этим она подразумевала, что вверяет свою судьбу богам.

Раздвинув шторы, Афина лежала, глядя в ночное небо, а как только звезды начали меркнуть, – встала и оделась, сама, без помощи горничных.

Из всех своих изысканных нарядов, украшенных оборками и кружевами, она выбрала самый простой и скромный. К платью девушка подобрала такой же скромный капор и, решив, что в море будет холодно, перебросила через руку теплую шаль.

Самое сложное было – выбраться из дворца незамеченной. Всю ночь она прислушивалась к шагам ночной стражи, проходившей по внутренним покоям дворца, и к шагам часовых, охранявших дворец снаружи.

Афина высчитала время, когда можно будет спуститься вниз. Потом, пробежав через сад, нужно было скрыться в зарослях кустарника перед входом.

Еще накануне девушка обнаружила дверь, выходящую в сад и открывающуюся изнутри. Эта дверь не охранялась. Все гвардейцы дежурили у главного входа.

Пробежав через сад, она скрылась в зарослях гибискуса.

Стражник смотрел в противоположную сторону, и Афина удачно перебралась через невысокую стену, что отгораживала дворец от дороги, извивавшейся среди утесов.

Дворец был возведен высоко на горном склоне. Бухта Микис, в которую они с леди Беатрис недавно прибыли, находилась на западном побережье залива. Неподалеку приютился небольшой городок с тем же названием.

Узкая извилистая дорога, по которой они ехали во дворец, тянулась до бухты не менее двух миль. По прямой это расстояние было раза в четыре короче. Афина стала спускаться по скалистым уступам и добралась до бухты Микис довольно быстро, даже не очень устав при этом.

Небо посветлело, и все вокруг казалось полупрозрачным в первых лучах восходящего солнца.

Афина подумала, что в мире существует великое множество загадочных и неуловимых оттенков: серебристо-серый цвет моря; сизые, как голубиное крыло, прибрежные скалы, темно-пурпурные далекие горы. К сожалению, у нее не было времени восхищаться красотой пейзажа.

Рыбаки уже были на ногах, несли сети в лодки, о чем-то оживленно переговаривались и распевали песни, готовясь к выходу в открытое море.

Она нашла пожилого рыбака, который, как ей показалось, был не так занят, как остальные, и рассказала ему, что ей нужно.

Она говорила медленно, на безупречном греческом языке, и рыбак без труда понял ее.

– Вы хотите, чтобы вас на лодке отвезли в Итею? – переспросил он, почесав голову. – Но сейчас все отправляются в море на рыбную ловлю.

– Они не пожалеют, – пообещала Афина. – Я заплачу за поездку туда и обратно. Они получают больше, чем смогут выручить за сегодняшний улов.

Ей удалось убедить рыбака, и, широко улыбаясь и жизнерадостно переговариваясь, гребцы оставили сети на берегу и отчалили. Утренний ветер туго надувал паруса. Весла, опускаясь в воду, поднимали мириады брызг, и они сверкали на солнце, как алмазы.

Афина оглянулась на удалявшийся с каждой минутой королевский дворец. Она была уверена, что в такой ранний час никто из его обитателей не смотрит на бухту, но все же обрадовалась, когда лодка наконец скрылась из пределов видимости случайных наблюдателей.

Теперь скалы вздымались ввысь по обе стороны залива, и водную гладь окрасили перелые лучи поднимавшегося над горизонтом солнца. Она то горела, словно жидкое золото, то переливалась всеми цветами радуги.

Это зрелище было так прекрасно, что Афина забыла о времени. Только когда они достигли Итеи, она поняла, что прошло несколько часов.

На рейде стояли, покачиваясь на волнах, всего несколько торговых судов. Выйдя из лодки, девушка увидела на берегу верховых лошадей и ослов, владельцы которых были готовы предоставить их путникам. Вверх шла крутая дорога к Дельфам.

Афина отвергла настойчивые предложения хозяев осликов и выбрала лошадь, которая, как ей показалось, быстрее доставит ее к цели. Открытое, добродушное лицо владельца лошади вызывало доверие.

На всех животных имелись седла из плотной мешковины, поверх которой были наброшены шерстяные коврики для удобства путников. Хозяин-проводник вел лошадь под уздцы. Афине хотелось бы ехать самостоятельно, так, как она представляла себе верховые поездки по дорогам Греции вместе с принцем, но она понимала, что владелец лошади очень дорожит своей собственностью и не выпустит поводьев из рук.

Извилистая дорога круто поднималась вверх, и временами девушке казалось, что жестоко заставлять благородное животное везти на своей спине человека на такую крутизну.

По дну долины протекала река Плейстос, на другом берегу которой серебрилась роща олив. Их старые искривленные стволы казались Афине очевидцами событий седой древности.

Они проехали мимо горных пещер, в которые ей очень хотелось заглянуть. Кажется, в одной из таких пещер когда-то едва не заблудился лорд Байрон. Однако ей было необходимо попасть в Дельфы как можно быстрее.

Высоко над ее головой вздымались вершины Федриад, сверкавшие на солнце. Афине вспомнились рассказы бабушки о том, что, когда Аполлон оставил священный остров Делос, чтобы покорить материковую Грецию, дельфин направил его корабль к берегу как раз в этих местах.

– И тогда юный бог, – рассказывала вдовствующая маркиза, – взлетел над морем, превратившись в звезду, которая ярко освещала дневное небо.

Выдержав паузу, бабушка продолжала, понизив голос:

– Затем звезда исчезла, и вместо нее возник прекрасный юноша, вооруженный луком и стрелами.

Афина всегда слушала этот рассказ затаив дыхание.

– Он поднялся по крутой горной дороге к самому логову дракона и, убив чудовище, звонким голосом возвестил об этом другим богам и провозгласил эти земли своими. Аполлон выбрал самое красивое место во всей Греции, – добавила вдовствующая маркиза.

Проделав примерно половину пути, ведущего в гору, Афина оглянулась и подумала, что бабушка нисколько не преувеличивала красоту этих мест.

Вдали раскинулось до самого горизонта лазурное море, внизу в долине шелестели лиственной серебристо-серые оливы, по берегам реки громоздились синие горы, а в центре долины вилась серебристой лентой река.

Девушка подняла голову и посмотрела вверх. Вздывавшиеся ввысь вершины Федриад показались ей сверкавшими на солнце бриллиантами. У нее возникло ощущение, будто и долина, и море, и горы медленно вращаются перед ними.

Проводник вернул девушку из мира грез на землю, сообщив, что в здешних пещерах когда-то водились волки, однако вот уже многие годы их никто тут не видел.

Афина не боялась волков. Ее приводили в восторг горные цветы, которыми пестрели склоны. Здесь росли гиацинты, вифлеемская звезда, нарциссы, анемоны, маки и, конечно, благоуханный тимьян. Были здесь и дикие орхидеи, и яркие голубые цветы, названия которых Афина не знала, но решила, что это дикие ирисы, цветы богов.

Чем выше они поднимались, тем идти становилось труднее. Наконец они оказались на узкой пыльной дороге – Священном Пути.

Над головой Афины поднимались цветущие фруктовые деревья, а вдали стали видны разрушенные мраморные колонны, очертания которых напоминали руины древнего храма. Это и была цель ее путешествия.

Справа к самому краю утеса прилепилось несколько домишек. Другие беспорядочно ютились среди обломков мраморных колонн. Детишки, сидя на мраморной глыбе, лепили куличики из песка.

Афина спешила и заплатила владельцу лошади так щедро, что тот не знал, как отблагодарить ее, а затем немного постоял рядом с девушкой, глядя на вздымавшиеся в небо скалы.

В небе парила какая-то птица, и Афине вспомнилось, что лорд Байрон некогда увидел в этом месте двенадцать орлов. Он воспринял это как знак того, что Аполлон и музы приняли его дар, поэму «Чайльд Гарольд».

Афина была уверена, что парящий орел – доброе предзнаменование и для нее. Поэтому она решила продолжить путь и стала подниматься вверх по склону горы. Кое-где в траве можно было угадать полуразрушенные ступени. Попадались осколки мрамора со стершимися надписями, которые ей хотелось взять с собой, чтобы сохранить. Здесь этим реликвиям рано или поздно грозила гибель.

От некогда величественного храма Аполлона сохранилось лишь несколько разрушенных колонн. Афине хотелось почувствовать и понять таинственную ауру этого священного для греков места.

Она поднялась еще выше и увидела, как сверкает на солнце белый полированный мрамор. У нее возникло ощущение, что спокойствие и безмятежность развалин древнего храма и горы вокруг оберегают здесь бесценную святыню.

Не заходя в деревню, девушка поднималась все выше и выше в гору и вскоре оказалась близ того места, где, как она знала, когда-то находился стадион. Сохранились лишь частично места верхнего ряда. Остальные давно опустились глубоко в землю и густо поросли мхом и травой.

Афина попыталась представить себе участников спортивных состязаний, их безупречно развитые сильные мускулистые тела, прекрасные, как тела богов, которым они поклонялись. Присев, чтобы немного перевести дыхание после быстрой ходьбы, она вспомнила строки написанной Пиндаром оды во славу Аристомена, победителя в состязании борцов здесь, в Дельфах, в 445 году до нашей эры.

Он, кто победы достиг,
По воздуху мчится.

Ввысь он взлетает на крыльях на сильных,
В яростной гордой надежде, ликуя.
Он не желает богатства, радуясь
Лишь краткому мигу триумфа и славы.

Афина довольно долго просидела на площадке бывшего стадиона. Затем медленно стала спускаться к храму Аполлона, пытаясь отыскать то место, где некогда помещался оракул. Однако найти его оказалось трудно.

Затем, вспомнив рассказы бабушки о храме Афины, она перешла дорогу и среди олив увидела три превосходные мраморные колонны на круглом постаменте, водруженном в честь Афины Паллады.

Девушке показалось, что колонны излучают какой-то особый свет, а у их подножия, в траве растут невиданной красоты цветы.

Афина долго любовалась ими, а затем, чувствуя, как устала от долгого подъема, села на траву и прислонилась спиной к мраморной глыбе.

Ей казалось, что вера в некогда обитавших здесь богов все еще жива и сильна, что она явственно слышит возносимые богине Афине молитвы.

Посмотрев вверх, девушка увидела, что над храмом кружат орлы. Гордых птиц было шесть. Огромный размах крыльев казался воплощением их сказочного всемогущества. Всем своим обликом они как бы подчеркивали слабость людей, навечно прикованных к земле.

Девушка зачарованно наблюдала за ними и представляла себе, что и она безмятежно парит в небесной вышине, поднимаясь все выше и выше, к солнцу.

Афина не представляла, как долго она спала, но, пробудившись, поняла, что она не одна в этом безлюдном месте.

На какой-то миг она снова ощутила полет вместе с орлами и, почти не осознавая, где она и что говорит, невнятно пробормотала:

– Я... лечу... прямо... к солнцу...

Звук собственного голоса заставил девушку наконец открыть глаза. Рядом с ней сидел какой-то мужчина, не сводивший с нее пристального взгляда. Афина какое-то мгновение рассеянно смотрела на него, не в силах стряхнуть с себя остатки сна.

– Я был уверен, что вы настоящая богиня, – удивленно произнес незнакомец. – Только вот я не мог понять: вы Афродита или сама Афина?

Не задумываясь, девушка быстро ответила:

– Меня зовут Афина, – и почувствовала, что окончательно проснулась.

– Тогда я воздам вам все надлежащие почести, – с еле заметной усмешкой произнес незнакомец.

Ложась на мраморную глыбу, Афина сняла капор и распустила волосы. Сейчас она поняла, что выглядит более чем странно, лежа среди цветов и разговаривая с незнакомым мужчиной, которого ей никто не представил.

Незнакомец был не похож на мужчин, с которыми она встречалась у себя дома, но у нее не было никаких сомнений в том, что он человек благородный и с хорошими манерами.

На нем была белая рубашка без галстука с закатанными по локоть рукавами. Когда он взглянул ей в глаза, Афина забыла обо всем на свете. Он был красив той удивительной классической красотой, черты которой она ожидала найти в каждом греке, хотя придворные короля Оттона ее сильно разочаровали.

Незнакомец улыбнулся, и суровость безупречной античной статуи сменилась живой открытой человечностью.

Его глубоко посаженные глаза сияли умом и отвагой. Афине показалось, что в них мерцает свет Аполлона.

– Так значит, вы богиня Афина, – сказал незнакомец по-прежнему по-английски. – Вы позволите мне представиться или же предпочитаете сами угадать, кто я такой?

От его слов девушка почувствовала, как кровь прилила к ее щекам.

– Я... извините... я спала, когда вы обратились ко мне... и я просто не отдавала себе отчет в том, что говорю... – запинаясь, произнесла она.

– Вы сказали, что летите прямо к солнцу. Я думаю, что никакое живое, человеческое существо – если вы являетесь таковым – неспособно на это.

Афина сделала движение, собираясь встать.

– Мне кажется... я должна... мне пора... идти.

– Куда идти? Куда вы собрались? – спросил незнакомец. – Уж не собираетесь ли вы вернуться на Олимп, откуда вы, несомненно, явились сюда?

Афина не смогла удержаться от улыбки.

– Вы... вы очень любезны, – сказала она. – Но мне кажется, что у нас с вами получается какой-то странный разговор. Ведь я вас совсем не знаю... никогда раньше не встречала.

– Но теперь-то мы с вами встретились, – возразил ее собеседник. – А вы так и не ответили на мой вопрос.

Как будто принимая условия предложенной ей игры, девушка произнесла:

– Вы не Аполлон, насколько я понимаю. Вы слишком смуглы для него.

– Уверяю вас, я никогда не осмелился бы выдавать себя за великого бога света, хотя, возможно, я жалкая его копия. Попробуйте еще раз угадать, кто я.

Подумав мгновение, Афина сказала:

– Вы не Гермес. Я думала о нем, поднимаясь сюда по горной тропе из порта. Мне казалось, он должен защищать меня, ведь он покровитель дорог и путников, а кроме того, – посланец других богов.

– Если вы хотите, чтобы я был Гермесом, то я без колебаний назовусь им. Но вообще-то мое имя – Орион.

– Самое известное и самое красивое из всех созвездий! – воскликнула Афина.

– Вы мне удивительно польстили. А вас действительно зовут Афина?

Девушка кивнула.

– И вы действительно англичанка?

– Я так похожа на англичанку?

– Только потому, что говорите по-английски. Иначе я принял бы вас за чистокровную гречанку, юную Афину – еще не настолько умудренную жизнью, чтобы считаться богиней мудрости, но достаточно взрослую, чтобы быть богиней любви.

Афина снова покраснела и подняла с мраморной глыбы свой капор.

– Не надо, – попросил Орион. – У вас великолепные волосы, не прячьте их. Они прекрасно смотрятся на фоне белого мрамора. А глаза у вас – такие же серые, как море ранним утром.

Афина инстинктивно повернулась в сторону моря, стараясь разглядеть его сквозь глыбы скал за густой оливковой рощей.

– И нос у вас – типично греческий, – добавил Орион.

– Мне говорили об этом, – призналась Афина, – и... я этим очень горжусь.

– Вам хотелось бы быть гречанкой?

– В моих жилах течет греческая кровь и, наверное, поэтому мне всегда хотелось побывать в Греции. И вот я здесь. – Ее голос еле заметно дрогнул от волнения.

– Вы приехали сюда одна? – удивленно спросил Орион и посмотрел в сторону оливковых деревьев, как будто подумал, что кто-то мог находиться поблизости, кого он сразу не заметил.

– Совсем одна, – ответила Афина и тут же подумала, что поступила опрометчиво, рассказав случайному знакомому о себе слишком много.

– Вы смелая девушка. Англичанки обычно очень осмотрительны и осторожны. Они отправляются в такие путешествия группами и, как будто величие Аполлона внушает им страх, нервно переговариваются и хихикают, потому что боятся признаться в тех чувствах, которые он в них возбуждает.

– Вы говорите весьма язвительно, – заметила Афина. – Это потому, что вы не любите англичан?

– Не слишком, – откровенно признался Орион. – Во всяком случае, не особенно восторгаюсь теми, с кем мне приходилось встречаться.

– Тогда мне самое время распрощаться с вами.

– Я вовсе не это имел в виду, – тихо и торопливо произнес он, посмотрев в глаза девушки. – Вы совсем не похожи на обычных англичанок. Но каждый, кто приходит в Дельфы, – паломник, и поэтому его всегда доброжелательно встречают боги, из какой бы страны он ни был.

– Как бы мне хотелось увидеть это прекрасное место в его былом величии! – печально вздохнула девушка.

– На этом месте было много разных святилищ, – тихо пояснил Орион. – Сначала – совсем маленькое, слепленное из воска и птичьих перьев. Второе – из ветвей папоротника.

Он немного помолчал.

– Третье было из ветвей благородного лавра. Четвертое – отлито из бронзы с золотыми певчими птицами на крыше.

– Как бы я хотела увидеть такой храм! – прошептала Афина.

– Пятый был построен из камня, – продолжал Орион. – Он был разрушен в 489 году до нашей эры. Шестой был разрушен землетрясением. И, наконец, в 400 году после рождения Христа седьмой храм был стерт с лица земли императором Восточной римской империи Аркадием.

Орион на мгновение замолчал, а затем продолжил:

– Но еще до этого император Нерон вывез из храма в Рим семьсот бронзовых статуй.

В его голосе прозвучала нота сожаления. Афина поняла, что Орион недоволен тем, как римляне обращались с сокровищами и святынями древних греков.

– У нас так много всего было похищено, – продолжал Орион. – Однако у нас не смогли отнять веры в то, что Аполлон по-прежнему с нами.

Крова лишен Аполлон и венка
из благородного лавра.

Утихли фонтаны и голос умолк.

Афина произнесла эти строчки очень тихо, и Орион удивленно посмотрел на нее:

– Вы испытываете такие чувства!

– Нет, – ответила Афина. – Это сказал оракул императору Юлиану Отступнику, когда тот в 362 году пришел сюда и спросил, что ему следует сделать для того, чтобы сохранить былую славу богов.

– Откуда вы это знаете? – удивился Орион. – Кто вас этому научил?

– Мне с детства знакомы мифы Древней Греции. Поэтому мне всю жизнь хотелось побывать в вашей стране. И хотя мало что осталось от ее былой славы, я не разочарована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.